

ведливо отмечает Ю. А. Левада, «от угрозы “русского бунта” мы уже ушли, но к цивилизованному партнерству пока не пришли»¹⁵.

Становление модели взаимоотношений гражданского общества и государства, в основе которой лежал бы принцип взаимных прав и обязательств сторон – процесс непростой и вряд ли сулящий быстрый успех. Важнейшей преградой на этом пути является патриархально-подданническая политическая культура, без преодоления ценностных и поведенческих установок которой трудно рассчитывать на массовую гражданскую активность. Однако только этот путь в конечном счете и дает надежду на превращение «фасадной» демократии в реальную. Как показывает опыт развитых стран, чем выше люди ценят свои права и свободы и чем решительнее их отстаивают, тем более ответственно перед ними ведут – вынуждены вести! – себя те, кто ими управляет.

И. Т. Вепрева, Т. А. Шадрина

ИДЕОЛОГЕМА И МИФОЛОГЕМА: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕРМИНОВ

Сегодня мы являемся свидетелями возрождения интереса к проблемам соотношений языка и общества, языка и истории, языка и культуры, языка и этноса и т. д. и вычленения специальных аспектов лингвистических исследований, которые являются предметом социальной лингвистики и лингвокультурологии. Пристальное внимание к перечисленным проблемам вызвано интенсивными процессами, которые происходят в политической и экономической жизни России, находящими свое отражение в перестройке мировоззренческих установок. Обновление концептосферы русской языковой личности тесно связано с существенными изменениями в его мировоззрении, с идеологической ломкой, трансформацией сущностного ядра массового сознания — системы ценностных ориентаций, в которых выражается отношение к

¹⁵ Левада Ю. Ни революций, ни бунтов у нас не будет // Труд. 5 марта 1999 г.

системе экономических, политических, идеологических принципов. Обновление концептуального мира носителя языка, концептуализация новых знаний о преобразующемся мире при представлении их в языковой форме обостряет интерес лингвиста к идеологической стороне происходящих языковых процессов. Цель данной статьи – дать лингвистическую интерпретацию терминов *идеологема* и *мифологема*, которые используются в современной гуманитарной науке при характеристике общественно-политической жизни общества.

Определимся в понимании термина *идеология*. Существует широкое и узкое понимание идеологии. В широком смысле идеология представляет собой совокупность (политических, правовых, философских, нравственных, религиозных, эстетических и др.) идей, концепций, программ и взглядов, определяющих облик жизни общества [Ерасов, 1994; Коваленко, Костин, 1997; Нестеренко, 1964; Романенко, Санджи-Гаряева, 2004; Слышкин, 2004; Яковлев, 2001 и др.]. Эти взгляды выражают интересы определенной группы людей или вещей (например, идеология класса, меньшинства, товара, техники и т. п.). Идеология исходит из «сконструированной» реальности, ориентирована на человеческие практические интересы. Цель идеологии – манипулирование и управление людьми путем воздействия на их сознание, психику, волю, чувства. Результатом идеологического воздействия является снижение критичности при восприятии внушаемой информации. В состав идеологии входят идеи, возникшие на основе исторического опыта и условий жизни определенной социальной общности, которые особым образом отображают и оценивают действительность. Подобная концептуализированная совокупность идей роднит идеологию с наукой. Но если наука дает знание о предметах и явлениях действительности, их закономерностях, то идеология не только несет знание, но и выражает отношение к предмету знания. Это отношение обуславливается социальными интересами той социальной группы, с позиции которой осуществляется в идеологии отражение действительности. И поскольку к знанию прибавляется еще и отношение, то оно «обретает иное качество – качество сознания, или осознания, действительности» [Уледов, 1985:100]. Поэтому идеологию относят к сфере общественного сознания.

Определение идеологии как оценочного явления считается ее сущностным определением. Идеологическая оценка является одной из разновидностей интеллектуальной оценки. Идеологическая оценка характеризуется двумя основными чертами. Во-первых, она оценивает предметы и явления, рассматривая их все-сторонне, глубже проникая в их сущность, чем это происходит в рамках обыденного сознания. Во-вторых, производится с позиций интересов той или иной социальной группы. При научном подходе оценка производится в соответствии с критерием «истинный» или «ложный», а при идеологическом рассмотрении основной критерий – «выгодно» и «невыгодно» данной социальной группе. Идеологический компонент, обладающий, с точки зрения Г. А. Заварзиной [1998], социальной оценочностью и яркой однонаправленностью, основан на истинах, которые навязаны обществу, и предстает в силу социальной конвенции как привычный. Привычность постепенно начинает восприниматься как нормальность, нормальность – как естественность, естественность – как природность и, следовательно, как истинность. Функция подмены узуальности истинностью состоит в том, «чтобы отбить у идеологических “консервов” их идеологический вкус, заставив потребителя думать, будто он потребляет “натуральный” продукт» [Косиков, 2001: 15].

В узком смысле под идеологией понимается система политических взглядов и идей, связанных с вопросом захвата, удержания и использования политической власти субъектами политики [Барботько, Войтова, Мирский, 2001; Дилигенский, 1994; Ильин, 1995; Кириллова, 2005; Маннгейм, 1994 и др.]. Наиболее ярко выраженным видом идеологии в узком смысле слова была советская, или тоталитарная, идеология, способствующая идеологизации советского общества, т. е. усиленному навязыванию определенных идеологических взглядов и стереотипов. Важными представляются следующие характеристики тоталитарной идеологии:

1) в структуре тоталитарной идеологии жестко проведен принцип системности, который заключается в подчинении всех второстепенных аспектов мировоззрения одному центральному положению;

2) основой тоталитарной идеологии является классовая теория, из которой выводится философия, история, политика и даже своеобразная теология. Все остальное, выходящее за рамки этой теории, уничтожается силовым путем;

3) тоталитарная идеология пытается навязать новую «действительность» всему миру под видом объективно действующих законов;

4) ядро тоталитарной идеологии образует одна «великая идея», которая внедрялась в массовое сознание людей при помощи пропагандистского аппарата, который программировал их мысли и поведение. При этом формировался новый, тоталитарный тип сознания личности, для которого характерными чертами являются дихотомизм мышления, ориентация на «светлое будущее», игнорирование ценностей сегодняшнего дня.

Идеология как элемент общественного сознания существует прежде всего в языке. Именно благодаря языку идеология внедряется в общественное сознание и функционирует. В тоталитарно-административном периоде сформировался свой тоталитарный язык или новояз [Земская, 1996; Купина, 1995; Седов, 1993]. Новояз можно охарактеризовать, как «подъязык, рожденный в недрах партийной номенклатуры. Воплощая в себе официальную языковую картину мира, в которой действительность представляла в застывшей системе иерархических отношений, новояз внедрялся во все области коммуникативной деятельности, препятствуя формированию речевой культуры личности. Носитель новояза как бы обретает идеологическую призму, через которую он воспринимает явления окружающей действительности. Новояз подсказывает готовые клише, навязывает оценочные официозные суждения и умозаключения» [Седов, 1993:34]. Можно выделить ряд лингвистических характеристик тоталитарного языка: 1) ядро образуют слова-идеологемы, которые подчиняют себе семантику группирующихся вокруг них слов; 2) идеологизация языка ведет делению лексики на положительную, «нашу» и отрицательную, «не нашу»; 3) особый пласт лексики новояза составляют разного рода ярлыки, штампы, клише, содержащие в себе экспрессивную лексику; 4) основу для новояза давали прецедентные тексты; 5) целенаправленная политика осуществлялась в области топонимики: имена коммунистических партийных деятелей тиражи-

ровались в названиях городов, улиц, колхозов в огромных количествах.

Единицей идеологической системы, находящей свое вербальное выражение, знаком идеологии является **идеологема**. Изучение идеологем осуществляется, в основном, в работах, посвященных общественно-политической лексике и политическому дискурсу [Воробьева, 2000; Купина, 1997; Заварзина, 1998; Карасик, 2002; Крючкова, 1989; Шейгал, 2000]. **Идеологема, являясь оператором языка, представляет собой «некоторое закреплённое в языковой форме идеологическое содержание» [Купина, 1997:134], то есть языковую или речевую единицу, нагруженную идеологическими (политическими) смыслами. Большинство исследователей идеологемами называют слова с политическим и идеологическим компонентом значения [Ворожбитова, 2000; Говердовский, 1986; Гусейнов, 2001; Заварзина, 1998; Купина, 1995; Скляревская, 2001 и др.].**

Идеологический компонент языковой и речевой единицы выявить сложно. При выделении идеологического компонента в лексическом значении определяющим становится толкование слова по отражающим идеологический компонент словарям. Идеологический компонент может входить в денотативное ядро лексической единицы или содержаться в коннотативном макрокомпоненте. Кроме собственно идеологической семантики ученые выделяют лексические единицы, имеющие идеологическую добавку [Говердовский, 1986; Крючкова, 1989; Шейгал, 2000]. Базовые идеологемы содержат идеологически важные в данный период признаки, из которых формируется идеологический денотат, например, *диктатура пролетариата, партия, ленинизм, чистка, светлое будущее, вождь, социализм, коммунизм* и др. В значениях неидеологических слов через контексты употребления могут вводиться идеологические добавки, которые, искусственно накладываясь на лексическую семантику, переводят нейтральное слово в класс слов идеологических. Например, переносное значение слова *азбука* в Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова (ТСУ) определяется как *основные начала какой-нибудь науки или системы знаний*. Последующая иллюстрация – *Азбука коммунизма* – превращает слово *азбука* в единицу с идеологической добавкой. Таким образом, словари советской эпохи

представляют собой достаточно жестко структурированную систему, детерминированную идеологически.

Любую идеологию, а тоталитарную особенно, можно отнести к типу мифологизированных идейных образований, поскольку в любой идеологии делается акцент не на истинное отображение реальности, а на популяризацию искусственно созданной картины мира, в которую требуется свято верить. С помощью идеологии происходит мифологизация общественного сознания. Основой мифологической формы сознания [Барт, 1996; Боханов, 1995; Голосовкер, 1987; Гуревич, 1983; Косарев, 2000; Найдыш, 2002; Петров, 1992 и др.] является миф.

Миф – это форма истолкования действительности при помощи чувственно-наглядных образов. В мифологических представлениях заложено первичное практическое знание человека о мире. Миф, безусловно, обладает многоуровневой иерархией смыслов. С одной стороны, миф обращен в прошлое, его основу составляют традиции национальной культуры, с другой стороны, миф отражает настоящее, реальность современной культурной ситуации, стереотипы коллективного сознания. Миф может выступать как средство социальной ориентировки, может способствовать лучшему пониманию массами сложных явлений. Часто в мифе видят фантом, рождаемый наивностью массового человека [Норман, 1994; Шейгал, 2000].

В качестве средства манипуляции массовым сознанием используется политический миф. Е. С. Шейгал пишет, что «политические мифы сознательно запускаются в оборот их творцами, преследуя определенные цели» [Шейгал, 2000: 151]. Политики часто используют язык мифов для того, чтобы убедить избирателей в преимуществах своих политических программ, в достоинствах как кандидатов на какой-либо пост. Используемые в качестве инструмента политической борьбы, мифы оказывают колоссальное влияние на общество. Идеологи «используют политические мифы для создания иллюзии реальности с целью интерпретации действительности в желательном для них направлении» [Кириллова, 2005:192]. Центральной фигурой в политическом мифе является сильный лидер, носитель верховной власти, потребность в котором возникает в кризисные моменты истории. Являясь средством внушения, миф подчиняет, группирует и на-

правляет людей, формируя при этом приверженность к определенной политике. В ракурсе динамики политико-мифологической составляющей идейного обеспечения политического процесса идеологизация мифа столь же естественна, как и мифологизация идеологии. Опираясь на научные источники, посвященные проблемам идеологии и мифологии [Барт, 1996; Богданова, 1992; Воеводина, 1995; Воинов, Привалов, 1989; Горячева, Макаров, 1980; Лобок, 1997; Парфенов, 1996; Слесарев, 1994; Цуладзе, 2003; Шестов, 2005], можно утверждать, что данные понятия являются пересекающимися потому, что, во-первых, представляют собой совокупность объясняющих действительность взглядов, которые проникают во все сферы жизни человека; во-вторых, возникая на базе опыта и определенных условий жизни человека, действуют по принципу «упрощения» реальности. Также отметим некоторые отличительные черты этих терминов. Идеология, в структуре которой находится принцип системности, а также элементы научности, относится к теоретическому уровню отражения действительности, раскрывая ее сущность. Мифология, в отличие от идеологии, отражает обыденное сознание и поверхностное наивное отношение к явлениям объективной действительности. В ее основе лежит миф, который представляет собой освященный традициями образ (отчасти – фантомного характера), обладающий эмоциональной нагруженностью.

Единицей мифологической системы является мифологема. Мифологема – это устойчивое состояние общественного сознания, общественной психологии, в котором зафиксированы каноны описания существующего порядка вещей и сами описания того, что существует и имеет право на существование. В мифологеме заданы основные отношения между тем, что признается в мифологизированном обществе существующим. Основную часть мифологемы составляет объяснение того, почему существует то, что существует, и почему оно функционирует именно так, а не иначе. Мифологемы фиксируют порядок вещей и служат концептуальным обоснованием поведения в данном обществе. Е. И. Шейгал считает, что специфику денотативного ядра значения мифологемы составляет «определенная степень фантомности денотата» [Шейгал, 2000:152]. Фантомный денотат – денотат либо несуществующий, либо настолько неясный и размытый, что соз-

дает простор для работы ложного сознания. О фантомности денотата имеет смысл говорить в том случае, когда за лексической единицей не стоит реальный предмет. Например, к фантомной мифологеме можно отнести слово коммунизм, отмеченное ТСУ в значении общественно-экономическая формация, основанная на общественной собственности на средства производства, при которой ставится целью построение бесклассового общества, полное социальное равенство всех членов общества и осуществление принципа «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям». Общество, отвечающее всем входящим в определение параметрам, построить невозможно, следовательно, означаемое нельзя квалифицировать как реальный объект.

Кроме того, значение мифологемы характеризуется обширной коннотативной зоной, компонентами которой являются фидеистичность и идеологическая коннотация. Фидеистичность представлена в виде шкалы, полюсами которой являются полная вера и полное безверие. Полюс веры вербализует мифы, закрепляя их за языковыми носителями – мифологемами. При безусловной вере мифологема констатирует вторичную реальность для того, кто верит, и становится орудием разоблачения в устах тех, кто не верит. Шкала фидеистичности соотносится с оценочной шкалой: вера – с положительным полюсом, неверие – с отрицательным. Полюс «неверие» имеет специальные языковые маркеры, сопровождающиеся иронической тональностью, например: *на самом деле, фактически, мистификация, сказка, обман народа, очередной миф, дескать, так называемый* и др.

По мнению Н. А. Купиной, мифологемой может стать идеологема, получившая приращение, объективно обладающее недостоверностью. Такое приращение мифологизирует идеологему. Мифологическую добавку можно выявить при анализе образцовых идеологических текстов, которая внедряется в языковое сознание всеми возможными средствами. Например, в ТСУ слово *трудящиеся* иллюстрируется с помощью извлечений из авторитетных текстов влияния: *Вся власть в СССР принадлежит трудящимся* (Конституция СССР); *В нашей стране рабочий класс и вся масса трудящихся идет вперед под высоко поднятым победоносным знаменем партии Ленина – Сталина* (Молотов). В данном случае опорная идеологема *трудящиеся* соотносится с

реальным денотатом (люди, живущие своим трудом). Мифологические добавки вторгаются в денотативное значение и срачиваются с ним. Мифологизированные идеологемы способствуют деформации традиционной, собственно русской картины мира.

Мифологема может представлять собой текст, содержащий в себе повествование с элементами предания или сказки. Классическим примером является сборник рассказов о Ленине для детей. Кроме текста, мифологема может быть реализована в афоризмах, пословицах, лозунгах, анекдотах, устойчивых словосочетаниях: *Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны, Союз нерушимый республик свободных, Ленин живее всех живых*, а также может быть в максимальной степени свернута до однословного наименования политического термина: *свобода, коммунизм, демократия*. Мифологемами могут быть имена таких известных политиков, как *В. И. Ленин Н. С. Хрущев, И. В. Сталин*, которые содержат в своей когнитивной структуре приписываемые политику атрибуты, а также языковые рефлексy (лозунги, памятные фразы), характеризующихся либо апокрифичностью (недоверенностью авторства), либо денотативной фантомностью, обусловленной особенностями языковой личности политика. Для мифического сознания свойственно противопоставление *свой – чужой*, которое на языковом уровне может выражаться, например, в оппозиции *герой – злодей*. Становление мифологемы героя сопровождается процессом сакрализации политика и его имени, а становление мифологемы злодея – процессом десакрализации.

Подведем итоги нашего теоретического осмысления обсуждаемых единиц. Лингвистическая интерпретация терминов **идеологема** и **мифологема** дает основание полагать, что проблемные понятия являются понятиями пересекающимися. Рассмотрев под разным углом зрения соотносительные понятия *идеология – мифология, идеологема – мифологема*, можем сказать, что характерной особенностью идеологемы является связь значения с реальным идеологическим денотатом, в большей степени, политического характера. Идеологические смыслы характеризуются определенной степенью субъективности, обусловленной интересами той или иной группы людей, чьи интересы они отражают. Субъективность, оценочность идеологической се-

мантики во многом опирается на мифологические представления, сложившиеся в национальной культуре того или иного народа. Подобная опора имеет конструктивный характер, поскольку идеология пользуется сложившимся мифологическим представлением носителя языка о действительности, не подвергающимся аналитическому осмыслению. Наличие размытости денотативного компонента идеологии, опирающейся отчасти на фантомность мифа, позволяет говорить о том, что идеология может приобретать другой статус – статус мифологии. Наличие идеологической коннотации в смысловой структуре политической мифологии приводит к тому, что всякая политическая мифология, безусловно, является идеологией.

Список литературы

Барботько Л. М., Войтов В.А., Мирский Э. М. Тотальная идеология против тоталитарного государства. <http://aermolin.ru/library/1629> 2001

Барт Р. Мифологии. М., 1996.

Богданова М. А. Роль мифа в политическом сознании. Ростов н/Д., 1992.

Боханов А. По плечу ли России европейский камзол? // Родина. 1995. № 8.

Воеводина Л. Н. Философские концепции мифа в XX столетии. М., 1995.

Воинов В. В., Привалов Ю. А. Миф (Попытка системного анализа) // Проблемы философии. Киев, 1989.

Ворожбитова А. А. Официальный советский язык периода Великой Отечественной войны // Язык и социальная среда. Воронеж, 2000.

Говердовский Н. В. Идеологическая коннотация, речевая практика и лексикография // Язык и общество. Саратов, 1986.

Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М., 1987.

Гоманюнов С. А. Внушаемость и архаическое сознание в истории // Истины и ценности на рубеже XX–XXI веков. М., 1992.

Гончарова О. Ритуал и миф в тексте советской культуры (1920 – 1940-е гг.) // Русский текст. 1996. № 4.

Горячева А. И., Макаров М. Г. Мифология как форма общественного сознания и ее место в структуре форм сознания // Актуальные проблемы общественного сознания и духовной культуры. Таллинн, 1980.

Гуревич П. С. Социальная мифология. М., 1983.

Гусейнов Г. Карта нашей родины и «граница на замке»: превращение идеологемы. http://www.indepsocres.spb.ru/gusein_r.htm 2001

Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. М., 1994.

Ерасов Б. С. Социальная культурология. Ч. I. М., 1994.

Заварзина Г. А. Семантические изменения общественно-политической лексики русского языка в 80–90-е годы XX века (По материалам словарей и газетной публицистики): Автореф. дис...канд. филолог. наук. Воронеж, 1998.

Земская Е.А. [Введение] // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.

Ильин М. Приключения демократии в Старом и Новом Свете // Общественные науки и современность. 1995. № 3.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

Кириллова Н. Медиакультура. От модерна к постмодерну. М., 2005.

Коваленко В. И., Костин А. И. Политические идеологии: история и современность // Вест. Московского. Университета. Сер. 12. Политические науки. 1997. № 2.

Косарев А. Ф. Философия мифа: мифология и ее эвристическое значение. М., 2000.

Косиков Г. Идеология. Коннотация. Текст // Ролан Барт. S/Z. М., 2001.

Крючкова Т.Б. Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии. М., 1989.

Купина Н. А. Идеологическое состояние лексики русского языка // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997.

Купина Н. А. Тоталитарный язык. Екатеринбург – Пермь, 1995.

Купина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. М., 2000.

Лобок А. М. Антропология мифа. Екатеринбург, 1997.

Маннгейм К. Консервативная мысль // Диагноз нашего времени. М., 1994.

Найдыш В. М. Философия мифологии. М., 2002.

Нестеренко Г.Я. Идеология, ее особенности и формы. М., 1964.

Норман Б.Ю. Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии // Язык и культура. Третья международная конференция. Доклады. Киев, 1994.

Парфенов А. И. Политическая мифология. Саратов, 1996;

Петров С.О. Мифологизация или идеологизация науки? Феномен марксизма // Вестн. Санкт-Петерб. гос. ун-та. Сер. Философия, политология, социология, психология, право. СПб., 1992. № 4.

Пивовев В.М. Мифологическое сознание как способ освоения мифа. Петрозаводск, 1991.

Романенко А.П., Санджи-Гаряева З.С. Проблемы составления словаря советизмов //Русский язык сегодня. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии. М., 2004

Седов К.Ф. «Новояз» и речевая культура личности (становление языковой личности) // Вопросы стилистики. Вып.25. Проблемы культуры речи. Саратов, 1993.

Скляревская Г.Н. Слово в меняющемся мире: Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. 2001. Корейская ассоциация славистов. Сеул, 2001.

Слесарев А.А. Мифологическое мышление и образ жизни. Новые грани философского и социально-политического мышления. М., 1994.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград, 2004.

Уледов А.К. Общественная психология и идеология. М., 1985

Цуладзе А. Политическая мифология. М., 2003.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград, 2000.

Шестов Н. И. Политический миф. Теперь и прежде. М., 2005.

Яковлев А. Государственная идеология // Диалог. 2001. № 6.

И. Т. Вепрева, Е. Н. Булатникова

АВТОМОБИЛЬ КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ

Задача данной работы – выделить культурно обусловленные признаки концепта *автомобиль*, так как именно они составляют ценностный компонент [Карасик, 2002] концепта, определяют его лингвокультурную специфичность. Для выявления таких признаков были привлечены различные источники: печатные и электронные тексты современной публицистики, анекдоты, тексты известных песен, словари разговорной речи и общего жаргона. Материалом для анализа послужили контексты, содержащие единицы семантического поля *автомобиль*. Динамика развития концепта *автомобиль* позволяет с определенной долей